

Окончание табл. 1

Регионы РФ	Число общественных организаций на 10 тыс. человек, на конец 2017 г.	Коэффициент изобретательской активности, 2016 г.
Республика Алтай	10,00	0,41
Республика Бурятия	5,24	0,69
Красноярский край	4,50	1,1
Новосибирская область	4,92	1,9
Омская область	4,57	1,22
Томская область	4,58	3,25
Республика Саха (Якутия)	8,09	0,68
Камчатский край	10,35	0,29
Приморский край	6,26	1,01
Хабаровский край	4,88	1,18
Амурская область	4,64	1,04
Магаданская область	10,68	1,03
Сахалинская область	8,81	0,25
Еврейская автономная область	7,44	1,64
Чукотский автономный округ	11,20	0,2
Калужская область	4,28	1,66
Тверская область	5,33	1,1
Регионы в части поля корреляции, имеющей нисходящий тренд		
Смоленская область	4,05	0,4
Республика Коми	4,75	0,58
Архангельская область	5,39	0,43
Вологодская область	5,02	0,59
Новгородская область	4,12	0,8
Республика Адыгея	5,37	0,2
Республика Крым	5,92	0,3
Волгоградская область	4,37	0,92
Карачаево-Черкесская Республика	4,85	0,26
Республика Мордовия	4,47	0,59
Кировская область	4,34	0,71
Ханты — Мансийский АО-Югра	4,61	0,25
Республика Тыва	5,00	0
Республика Хакасия	4,92	0,2
Иркутская область	4,54	0,78

Составлено по (О деятельности... 2018; Федеральная.. 2018)

СТАНОВЛЕНИЕ ЭТНОГРАФИИ ГОРОДА В ЛЕНИНГРАДЕ/ПЕТЕРБУРГЕ

Статья посвящена становлению этнографии города в Ленинграде/Петербурге. Первая статья по этнографии города в Ленинграде была опубликована в 1926 г. Однако резолюция Этнографического совещания 1929 года рекомендовала советским этнографам изучать преимущественно доиндустриальные группы населения. Тем не менее было по крайней мере одно заметное исключение из этого правила: в 1939 г. в Государственном музее этнографии открылась выставка, посвященная еврейскому населению дореволюционной России и СССР. Война прервала эту линию развития. Вновь интерес к городским группам населения возникает у московских этнографов в начале 1950-х, когда они предприняли исследования уральских рабочих, а затем перешли к изучению городов Центральной России. Участница этой исследовательской группы, ленинградка Юхнева начала изучать этническую статистику и этнографию дореволюционного населения Петербурга. Благодаря политическим и экономическим изменениям рубежа 1980-х — 1990-х гг. сложились благоприятные условия для изучения этнографии города, которые стимулировали формирование нескольких группирований городских этнографов в Петербурге. Первое из них появилось в Центре независимых социологических исследований и состоит главным образом из тех, кто получил социологическое образование. Второе группирование объединяет большинство исследователей из Межфакультетского центра «Петербургская иудаика» в Европейском университете в Санкт-Петербурге. Третье группирование образуют ученики Байбурина, которые в своем подходе к материалу опираются на этнографическую семиотику. Наконец, несколько исследователей из Музея антропологии и этнографии РАН и Российского этнографического музея объединились в проводимом Мазаловой семинаре, посвященном специально изучению антропологии Петербурга.

Ключевые слова: этнография города, социология социальных наук, этнография Петербурга

Тема этнографии города (или, как теперь предпочитают говорить некоторые из исследователей, антропологии города) в Петербурге требует специального углубленного изучения как в историческом аспекте, так и в плане того, что делается исследователями в наши дни. Именно в Ленинграде/Петербурге происходили важнейшие события и работали и продолжают работать ученые, чья деятельность в данной области во многом определяет ее развитие, как и воздействие на смежные

исследовательские области и дисциплины. В данной статье мы лишь пунктирно прорисовываем историю этнографии города в Петербурге в ее взаимодействии с развитием данного направления в России в целом. Сначала мы рассказываем о предыстории данной исследовательской области от еще не полностью профессиональных описаний до появления первой достаточно серьезной, хотя и написанной студентом, статьи. Во втором параграфе показываем как теоретические дебаты в условиях монополии «единственно верной» идеологии приводят к пресечению развития перспективного научного направления. Третий параграф демонстрирует, что прагматические интересы власти в советский период могли брать верх над идеологическими предписаниями и способствовать прогрессивными начинаниями в науке. В четвертом параграфе статьи показано, что изменения в послесталинском Советском Союзе потребовали от этнографов распространить свои интересы не только на традиционную культуру и воспроизводящие ее слои населения, но и на промышленных рабочих и городское население в целом. Наконец, в пятом параграфе показано, каким образом этнография города вернулась в Ленинград/Петербург и какие группы исследователей, изучающих город, здесь сформировались и продолжают формироваться.

1. Предыстория этнографии города в Петербурге/Ленинграде.

По-видимому, первым петербургским исследователем, давшим подробное описание этнического и религиозного состава Петербурга, занятий его жителей, их культурных особенностей, можно считать Иоганна Готлиба Георги¹ (Георги 1794). Однако в его время этнография/этнология/социокультурная антропология еще не выделилась в самостоятельную дисциплину. Решаемая Георги задача не требовала от автора иметь специальную подготовку в области знаний об описываемых народах, вероисповеданиях и городской среде. Поэтому написать такую книгу мог и военный, и священнослужитель, и медик вроде доктора медицины Георги. Описание городской среды и людей населяющих эту среду еще долгое время было делом любителей, а не профессионалов. Автором следующей этапной, по нашему мнению, в описании этнографии Петербурга книги был журналист Анато-

¹ Георги пишет, что в качестве образца для своей книги использовал описание Берлина, сделанное Николаи (Георги, 1794: II).

лий Александрович Бахтиаров (Бахтиаров 1888). Книга составлена из отдельных очерков, которые Бахтиаров публиковал в газете «Санкт-Петербургские ведомости». Здесь даны очень подробные описания отраслей экономики и отдельных предприятий (доставка скота из районов выпаса на скотобойни, забой и переработка туш, оптовая и розничная торговля продовольствием, мукомольни, рыболовство на Неве и в Финском заливе, грузовое судоходство по Неве и заливу, морской порт, городские рынки...), разнообразных типажей горожан (крестьяне-отходники, лавочники, евреи-резники, татары-старьевщики и разносчики, финны-молочники, сданные в приют маленькие дети, букинисты, уличные мальчишки, нищие...). И всё же эта книга остается, хотя и очень хорошей, но журналистской, поскольку никак не соотносится с существовавшей в то время научной традицией, с теоретическими построениями ученых.

Первые попытки российских исследователей заняться городом с позиций этнографической науки относятся к 1920-м гг. В 1926 г. в сборнике, составленном из работ ленинградских студентов, которые собирали полевой материал летом 1924 г., появилась статья студента Института высших еврейских знаний и этнографического отделения географического факультета ЛГУ Исая Пульнера² о гомельских евреях (Пульнер 1926). Очерк начинается с описания общественных движений накануне революции у евреев Гомеля, которые тогда составляли большинство населения этого города. Затем следует описание основных предприятий города и социально-профессиональной структуры еврейского населения. Особое внимание уделено рассказу о бытовых условиях ремесленников-кустарей. Завершается статья демонстрацией преимуществ кооперативных объединений ремесленников над кустарями-одиночками. К статье прилагаются 23 статистические таблицы. Статья написана довольно живо и насыщена политизированной лексикой того времени. Стиль ее довольно близок к журналистскому, но в тексте также много отсылок к статистическим данным. Ссылки на научную литературу отсутствуют. Однако надо принять во внимание, что это работа начинающего исследователя в исследовательской области, которая еще находилась в зародышевом состоянии.

Важно отметить, что интерес к городской проблематике зарождается у ленинградских ученых с некоторым запозданием по сравнению

² Информацию об Исае Менделевиче Пульнере см. на сайте «Отечественные этнографы и антропологи. XX век» [http://ethnographica.kunstkamera.ru/Пульнер_Исай_Менделевич]

с американскими коллегами³. В 1908 г. профессор Уильям Томас получил грант в 50 тысяч долларов на изучение проблем иммиграции (Козер 2006: 475). «... интересы Томаса принадлежали главным образом к этнографическим и сравнительным исследованиям. В это время факультет Чикагского университета представлял собой объединенный факультет социологии и антропологии, и Томасу были предложены курсы лекций в области, которую сегодня можно было бы назвать культурной и физической антропологией» (Козер 2006: 474–475). В ходе исследования он сосредоточился на изучении поляков, самой большой иммигрантской группы в Чикаго, а в 1913 г. начал сотрудничать с руководителем Общества защиты польских эмигрантов, философом Флорианом Знанецким (Козер 2006: 475–477). В 1918 г. из печати выходит первый том их работы, которую можно считать первой монографией и в социологии расовых и этнических отношений⁴, и в антропологии города (Thomas, Znaniecki 1918).

Отставание советских ученых от американцев вызвано и военными событиями, в которые была вовлечена Россия в 1914–1920 гг., и проблемами организации и финансирования науки в России и в последующем в СССР. Как видим, позиция ленинградцев в будущем вполне могла способствовать быстрому прогрессу в изучении этнографии города. Вероятно, сначала это были бы сравнительно небольшие населенные пункты с населением в несколько тысяч человек, затем города с населением в десятки тысяч человек, как Гомель, описанный Пульнером. Соединение собственного опыта с информацией из литературы о работе представителей Чикагской школы гипотетически могло побудить ленинградских этнографов также к изучению более крупных городских поселений.

2. Теоретические дебаты о специфике этнографии/этнологии и их практические следствия

У читателя может возникнуть правомерный вопрос, почему же в советской этнографии интерес к этнографии города не получил в то время дальнейшего развития? Ответ дают материалы Этнографи-

³ История городской антропологии на Западе, прежде всего, в англоязычных странах, хорошо описана в сравнительно недавнем очерке (Prato, Pardo, 2013).

⁴ Социологию расовых и этнических отношений (sociology of race and ethnic relations) в русскоязычной традиции принято называть этносоциологией. Перевод последнего термина на западноевропейские языки вызывает определенные проблемы из-за несовпадения значения форманта «этно» в русском языке с его значением в английском и французском.

ческого совещания 1929 г. Приведем выдержки из «Резолюции по докладам П. Ф. Преображенского и В. Б. Аптекаря»:

«4) *Отрицая всякие попытки построения «этнологии» — как теоретической науки, что фатально ведет к противопоставлению ее марксистской социологии историческому материализму, советские этнографы считают, что не существуют и не могут существовать такие области общественных явлений, в частности, такие культурные факты, которые не могли и не должны были бы стать объектом для изучения историка и социолога.*

5) Многочисленные построения «этнологии» как науки о явлениях культуры, в частности, попытки пресловутой «культурно-исторической» школы (Г р е б н е р, патер В. Ш м и д т, пат. К о п е р с и др.) должны были быть поэтому квалифицированы как стремление к созданию буржуазной методологии общества, *этнологического понимания истории, которое является совершенно неприемлемым для советских обществоведов*, в рядах которых стоят и этнографы СССР, опирающиеся в своей работе на *материалистическое понимание истории* М а р к с а, Э н г е л ь с а, Л е н и н а [...]

7) Отмежевываясь от всяческих буржуазных суррогатов обществоведения, советская этнография должна строиться, как исследование *конкретных обществ, главным образом, тех из них, которые и поныне находятся на ранних стадиях развития*, вследствие чего основным понятием и объектом исследования этнографии должны стать социально-экономические формации в их конкретных вариантах [...]» (Совещание... 1929: 117–118) [разрядка источника, курсив наш — Б.В., К.Д.].

Чтение этих пунктов самих по себе может запутать читателя, не посвященного в нюансы дискуссий на этом совещании. Поэтому попытаемся понять, что имели в виду участники этого форума, обратившись к стенограмме их выступлений. При этом в фокусе нашего рассмотрения окажутся такие обсуждаемые выступающими понятия как исторические науки», «социология», «социологизирование». Следует также оговориться, что здесь мы оставляем в стороне дискуссию о том, следует науке о народах называться этнографией или этнологией, и используем тот термин, который употреблял каждый из цитируемых нами участников совещания.

Сначала приведем высказывания участников совещания о характере этнографической/этнологической науки. Московские исследователи рассматривали ее как составную часть исторической науки. Чистый теоретик, профессор этнологического факультета МГУ Петр

Федорович Преображенский, считал что от истории этнография отличается только тем, что оперирует «над материалом быта» (От классиков к марксизму 2014: 105). В заключительном слове он снова повторяет: «Я целью своего доклада ставил следующее: доказать, что этнология или этнография есть та же история. Это буквальная формулировка, и я бы просил моих оппонентов ее придерживаться. Разница только в том, что этнолог работает с другим материалом. Есть целые периоды истории, которые могут быть построены только на основании этого материала» (От классиков к марксизму 2014: 130). Преображенского поддержал историк из МГУ Владимир Капитонович Никольский (От классиков к марксизму 2014: 118). Еще резче высказывался Сергей Павлович Толстов, в то время еще студент МГУ, а в будущем директор Института этнографии АН СССР: «Мы сами говорим, что этнология как отдельная наука не может существовать. Мы рассматриваем ее как историческую дисциплину, обладающую своей технической методологией, некоторой своей методикой, некоторыми частными методами анализа своего материала» (От классиков к марксизму 2014: 225).

Археолог и этнограф Борис Алексеевич Куфтин, который до того как подвергся репрессиям преподавал в МГУ, занимал более нюансированную позицию. Согласно авторам журнального отчета⁵, он утверждал: «Этнология является наукой исторической [...] Этнология преимущественно сосредоточивает свое внимание на этногенезе, изучая историю общественных форм и культуру в процессе племенных формообразований и, следовательно, в разрезе формаций этнических, возникающих, бытующих и исчезающих на основе более общих законов исторического развития» (Совещание... 1929: 126).

Но стенограмма доклада Куфтина несколько иначе передает его мысль: «Конечно, этнология является наукой исторической. Изучая отдельные проявления общественного развития и общественно исторического процесса, она строит свои понятия на основе тех категорий, которые вытекают из самого существа самого исторического развития. В этом смысле этнология и ее методы тесно связаны с историей. Изучая различные стороны, вернее различные проявления общественного развития, этнология восстанавливает историю человечества как бы ретроспективно, исходя из тех проявлений исторического процесса, который мы, этнологи, наблюдаем в настоящий момент. Этнология

⁵ Судя по инициалам Я. К. и Н. М. (Совещание этнографов..., 1929: 114) авторами отчета были Кошкин и Маторин.

в этом смысле формально отличается от социологии, так как она изучает конкретные формы проявления более общих законов общественного развития. Это необходимо комментировать, чтобы не было недоразумения, так как очень часто этнологию сравнивают с социологией (на этнологическом факультете Московского университета было такое деление этнологии и этнографии, при котором под этнологией понимали социологическую дисциплину)» (От классиков к марксизму 2014: 282).

В выступлениях ленинградских этнографов мы не обнаруживаем безоговорочного принятия тезиса о рассмотрении этнографии исключительно как какой-то разновидности исторической науки. Во время совещания сотрудник Государственной академии истории материальной культуры, а в недалеком будущем организатор и директор Института антропологии и этнографии (в последующем ИЭ АН СССР) Николай Михайлович Маторин определил этнографию, как науку исследующую «быт культурно-отсталых народов и культурные пережитки в быту народов, уже захваченных капиталистическим развитием» (Совещание... 1929: 118–119). Аспирант кафедры этнографии географического факультета ЛГУ Ерухим Абрамович Крейнович⁶ развивает эту мысль: «этнография есть наука о культуре тех народов земного шара, которые в процессе культурно-исторического развития не достигли капиталистической формы хозяйства и общества [...] Я подчеркнул, что этнография изучает пережитки, бытующие среди народов современных капиталистических государств. Возьмем СССР: до Октяб[рской] революции проживала огромная масса народов, тех самых крестьян, которые в процессе своего экономического развития достигли капиталистических форм хозяйства, — будут ли они подлежать нашему изучению? Конечно, это будет относиться к народам, пребывающим в состоянии торгового капитала»⁷ (От классиков к марксизму 2014: 214).

В прениях по докладу Преображенского профессор нескольких ленинградских вузов Владимир-Германович Богораз-Тан заявляет: «Этнография этим и отличается от истории и других общественных наук, отличается тем, что она составляет стык между науками общественными и естественными» (От классиков к марксизму 2014: 113).

В своем докладе Богораз-Тан опирается на программу полевой работы, разработанную участниками семинара ленинградских студентов-этнографов под руководством самого Богораз-Тана и представленной

⁶ О нем см., например: Решетов, 2010.

⁷ То есть, если следовать рассуждениям Крейновича, городское население при капитализме в сферу интересов этнографии уже не попадает.

в брошюре Степана Андреевича Макарьева⁸: «Этнография — это наука об этнических группах, а не о записях, к ним относящихся. Полевая работа в особенности необходима для исследования народов полуизученных или совсем неизученных. Также *среди культурных народов имеются группы, подлежащие полевому изучению этнографа* (курсив наш — Б.В., К.Д.). Таковы земледельцы глухих районов, пастухи, лесные кустари, сплащики леса. Такой же характер имеют и городские элементы: сезонные рабочие, беспризорные, преступники, нищие. К той же категории малообследованных групп надо причислить городские обособленные группы, национальные и социальные. Таковы айсоры, цыгане, различные сектанты и т. д.»⁹ (От классиков к марксизму 2014: 259).

Остро критически о позиции Преображенского отозвался ленинградский этнограф Исаак Натанович Винников, который в 1938 г. воссоздаст ликвидированную кафедру этнографии в ЛГУ и будет возглавлять ее в ходе поочередного пребывания на разных факультетах (филологическом, восточном и историческом) вплоть до ликвидации в 1949 г.: «Мне кажется, что было бы удобнее этот доклад назвать не «Методология этнологии», а «Проект новой всемирной науки и роль этнологии для всемирной истории» и прочесть этот доклад на съезде историков, потому что фактически докладчик пришел к тому заключению, что этнологии нет, а есть история, что мы изучаем одинаково и огнеземельцев, и Чемберлена. Не чувствую тут никакой разницы между историей и этнологией. Если вы ставите проблему методологии этнологии, вы должны были на специфическом этнологическом материале доказать особенность этой методологии. Вы этого не сделали. Какое же имеет отношение ваш доклад к методологии этнологии как таковой? Это методология общей всемирной истории» (От классиков к марксизму 2014: 126).

⁸ О Макарьеве известно, что он был студентом и аспирантом этнографического отделения ЛГУ (Свободная энциклопедия Википедия, 1928).

⁹ Такое, по-видимому, неожиданное для многих участников совещания определение вызвало протест сотрудника этнологического факультета МГУ Михаила Яковлевича Феноменова: «Я настаиваю на том, чтобы развитое капиталистическое общество не подлежало исследованию этнографическому (курсив наш — Б.В., К.Д.), а социологическому» (От классиков к марксизму, 2014: 300).

¹⁰ Хотя в стенограмме совещания данное высказывание Богораза-Тана заключено в кавычки и выглядит как цитата, на самом деле оно представляет собой вытяжку с разных страниц в брошюре Макарьева (Макарьев 1928).

Позиция Арбузова¹¹ относительно специфики этнографии ближе к ленинградской, чем к московской: «Я стою на той точке зрения, что *этнология есть наука со своим материалом, своей рабочей методикой и своими методами, присущими социологии*, это значит, *социологическими методами, методами исторического материализма*. Но, конечно, *эта наука является частью истории*» (курсив наш — Б.В., К.В.) (От классиков к марксизму 2014: 238).

Наиболее радикальную позицию против отнесения этнографии/этнологии к историческим наукам занимал директор Института антропологии МГУ и заведующий кафедрой антропологии МГУ Виктор Валерианович Бунак: «[...] теоретически правильное определение этнологии как части исторической науки практически ничего не дает, ибо оно не учитывает ряда других (географических и пр.) элементов. Оставаясь наукой об обществе, этнология должна встать близко к антропологии, которая в свою очередь, работая биологическими методами, имеет дело с социальными формациями, заменяющими «естественную среду» биологов, и в этом смысле сближается с этнологией» (От классиков к марксизму 2014: 122).

Таким образом, в ходе дискуссии выявились две противоположные позиции. Первая, которую разделяло большинство московских участников дискуссии, заключалась в том, что этнография/этнология входит в разряд исторических дисциплин¹², от которых отличается только спецификой своих методов, и должна заниматься исследованием обществ на ранних этапах их развития, т. е. в докапиталистическую эпоху, а также изучением сохранившихся до сих пор пережитков ранних эпох. Вторая точка зрения, разделяемая ленинградцами и примыкающими к ним Арбузовым/Абузовым и Бунаком, заключалась в том, что

¹¹ Арбузов в выступлении называет себя москвичом. Издатели сборника идентифицировали его как Степана Семеновича Арбузова (1898–1938). После учебы в Москве в Институте народов советского Востока он работал в Саранске, где занимался этнографией мордвы (От классиков к марксизму, 2014: 238, примеч. 3). Однако поиск в Интернете не обнаружил указанную персону. Зато был обнаружен мордовский этнограф Степан Семенович Абузов с теми же датами жизни (АБУЗОВ Степан Семенович (1898–1938) // Люди и судьбы. Биобиблиографический словарь востоковедов — жертв политического террора в советский период (1917–1991). СПб: Петербургское востоковедение, 2003 [http://memory.pvost.org/pages/abuzov.html]). В стенограмме Совещания на с. 456 упоминается без инициалов Абузов, который не включен авторами публикации в Именной указатель.

¹² Московская точка зрения подчеркивается Толстовым: «Я думаю, что из предыдущих прений достаточно выяснилось, что московские делегаты, даже стоящие на разных точках зрения, все подчеркивают непрерывную связь истории с этнологией и рассматривают этнологию, по существу, как часть истории» (От классиков к марксизму, 2014: 447).

этнография изучает не только явления прошлого, но и их пережитки в современных обществах. Мы возьмем на себя смелость развить эту мысль ленинградцев: чтобы понять, что в современном обществе является пережитком, а что нет, надо это общество изучить в поле.

После приведенных выше рассуждений парадоксом кажется ряд суждений уже упоминавшихся московских участников дискуссии на связь этнографии с социологией и необходимостью социологизации этнографии. Вот фрагмент доклада Куфтина: «Принимая во внимание, что этнология формально отличается от социологии, все-таки необходимо подчеркнуть *специфические особенности этнологии, материально выделяющие ее среди других социологических дисциплин*, хотя бы политической экономии, во всяком случае тех, которые...» (курсив наш — Б.В., К.Д.) (От классиков к марксизму 2014: 267). А отвечая на вопросы после доклада, он повторяет ту же мысль: «Социологическая наука — это наука об обществе и о развитии человеческого общества. *Этнология и антропология — тоже социологические науки*» (От классиков к марксизму 2014: 282) (курсив наш — Б.В., К.Д.). Толстов призывает к социологизации этнографии: «Безусловно, этнография как наука, как определенная историческая дисциплина имеет не только все шансы на свое дальнейшее развитие, но является чрезвычайно необходимой и чрезвычайно важной в той конкретной работе по строительству, которое у нас в настоящее время существует, и что *только тогда этнология и этнография будут насквозь социологизированы*, когда каждое явление культуры мы будем рассматривать с точки зрения наших марксистских методов; другими словами, когда этнография не будет принципиально ничем отличаться от истории как таковой, а будет отличаться только, как правильно сказал П[етр] Ф[едорович], только характером своих источников» (курсив наш — Б.В., К.Д.) (От классиков к марксизму 2014: 124).

Очевидно, что говоря о том, что этнография является социологической наукой, и что необходимо ее «насквозь социологизировать», выступающие имеют в виду не то, что мы понимаем под социологией сегодня, точно так же под социологическими методами (см. высказывание Арбузова/Абузова выше) понимаются не те методы эмпирического исследования, которые применяют сегодняшние социологи. И Арбузов/Абузов, и составители процитированного выше четвертого пункта резолюции по докладам Преображенского и Аптекаря социологию понимают как исторический материализм, т. е. как чисто теоретическое учение, не занимающееся эмпирическим сбором материала.

С работами американских социологов, использующих метод этнографии¹³ они судя по всему, не были знакомы, а все социальные теории, кроме марксизма, отвергали¹⁴. Интересно, что в ходе дебатов никто из участников так и не сказал, какая же именно дисциплина должна изучать современное городское население.

Результатом дискуссии развернувшейся на совещании этнографов Москвы и Ленинграда стал отказ от изучения этнографии городского населения промышленно развитых обществ. Как показывают материалы совещания, пробудившийся интерес к городской проблематике был пресечен с помощью идеологических инструментов.

3. Еврейская этнография как исключение из правила

Говоря об итогах Этнографического совещания, следует отметить, что его решения все-таки были скорее пожеланиями, чем директивами, которые должны были неукоснительно исполняться. Среди современных этнографов распространено мнение, что после совещания слово «этнос» было исключено из научного лексикона вплоть до появления работ во второй половине 1960-х гг. теоретических работ директора ИЭ Юлиана Владимировича Бромлея, а советская этнография примерно до того же времени оставалась сугубо эмпирической дисциплиной. Однако спорадически термины «этнос», «этнический» появлялись в литературе¹⁵, точно так же как из беглого просмотра журнала «Советская этнография» за вторую половину 1930-х — 1950-е гг. видно, что продолжали обсуждаться различные этнографические термины, хотя бы применительно к марксизму, дискутировались проблемы этногенеза, глоттогенеза, культурогенеза и т. д., публиковались рецензии

¹³ Здесь мы имеем в виду этнографию (ethnography) в том значении, которое существует в английском языке, т. е. как название метода полевой работы, а не научной дисциплины, которую именно из-за этой двойственности термина академик Валерий Александрович Тишков, занимавший пост директор ИЭА в 1989–2015 гг.), официально переименовал в русском языке в этнологию.

¹⁴ Любопытно, что Рудольф Фердинандович Итс, заведующий кафедрой этнографии и антропологии ЛГУ в 1968–1990 гг. и директор Ленинградской части ИЭ в 1982–1990 гг., во время занятий со студентами высказывался в том плане, что нам не нужна никакая социология, поскольку есть исторический материализм. Правда, он не выступал против сбора эмпирического социологического материала, и во время его руководства ЛЧ ИЭ там вполне успешно занимались научной работой этносоциологи Старовойтова, Коган и Валентина Георгиевна Узунова.

¹⁵ Здесь уместно назвать хотя бы монографию Кушнера (Кушнер, 1951. С. 7).

на монографии западных авторов^{16, 17}. Однако возвращения к изучению этнографии города не происходило вплоть до 1950-х — 1960-х гг.

И все же нам известно, по крайней мере, одно учреждение проигнорировавшее резолюцию Этнографического совещания о том, что этнографы должны изучать главным образом общества, находящиеся на ранних стадиях развития. Этим учреждением был Государственный этнографический музей народов СССР¹⁸. В период существования СССР помимо того, чтобы знакомить посетителей с традиционными культурами народов, населяющих страну, музей должен был демонстрировать их успехи в строительстве социализма. Музей не мог обойти такую выигрышную в пропагандистском отношении тему, как создание в 1934 г. Еврейской автономной области для народа, который в досоветский период открыто подвергался дискриминации со стороны государства. Но невозможно было показывать достижения евреев в социалистическом строительстве только на примере ЕАО¹⁹.

В экспозициях музея приходилось также демонстрировать ситуацию в прошлом и настоящем для еврейских групп вне пределов этого административного образования. С этой целью в 1936 г. в ГМЭ была создана еврейская секция, а в 1937 г. в нее был приглашен уже знакомый нам Пульнер, которого Евгений Георгиевич Кагаров, сотрудник ИЭ и профессор нескольких ленинградских университетов, считал лучшим специалистом по еврейской этнографии в СССР. К сожалению, его деятельность в ГМЭ, как и вся работа евсекции в литературе пока освещены слабо. Главной задачей секции была организация и проведение экспедиции в ЕАО. Было очевидно, что помимо изучения еврейского населения занятого там в сельском хозяйстве, придется собирать данные и о горожанах. Экспедиция состоялась в 1937 г. в самый

¹⁶ См., например: Кушнер, 1951, с. 7;

¹⁷ Следует также обратить внимание на то, что нарушение рекомендаций совещания не вело к политическим репрессиям по отношению к их нарушителям. Изучение биографий репрессированных этнографов, показывает, что они преследовались за участие в партийной оппозиции, симпатии к большевистским партиям, социальное происхождение и подобные «преступления», но не собственно за их научные взгляды (Тумаркин, 2002; Тумаркин, 2003).

¹⁸ С 1992 г. называется Российским этнографическим музеем (РЭМ).

¹⁹ Дальнейшую информацию в данном параграфе я привожу по лекции администратора Межфакультетского центра «Петербургская иудаика» Европейского университета в Санкт-Петербурге Александра Игоревича Иванова «Еврейские этнографы в годы «Большого террора»: еврейская секция Музея этнографии», с которой он выступил 10 мая 2018 г. в Еврейском общинном центре Санкт-Петербурга, и его же статье (Иванов, 2010).

разгар репрессий в ЕАО. Участникам удалось сделать много фотографий, но часть из них невозможно было показывать посетителям по политическим причинам. В 1939 г. в под руководством Пульнера и Михаила Иосифовича Шахновича, этнографа, фольклориста и сотрудника Музея истории религии, в ГМЭ была организована выставка «Евреи в царской России и СССР», куда вошли материалы собранные экспедицией музея в ЕАО, а также материалы из других мест страны. Среди прочих экспонатов были размещены стенд с фотографиями «Юный город Биробиджан (столица ЕАО)», действующий макет фанерного комбината в Биробиджане.

Сложно сказать, насколько удалось бы Пульнеру продвинуться в изучении городской этнографии при благоприятных условиях. Но приближающаяся война опрокинула не только его научные планы. В 1942 г. ученый умер в блокадном Ленинграде.

4. Возобновление интереса этнографов к современности

В 1920-е — 1930-е гг. предполагалось, что в течение нескольких десятилетий все народы СССР достигнут культурного уровня, присущего современным нациям, и потребность в этнографии как отдельной дисциплине вообще исчезнет, поскольку культурные различия между народами в значительной степени нивелируются²⁰. К рубежу 1940—1950-х гг. и ученым, и политикам уже было понятно, что до исчезновения этнических различий еще очень далеко, и поэтому необходимо

²⁰ См., например, высказывание Кошкина на Этнографическом совещании: «Далее тов. Аптекарь установил 4 стадии развития хозяйственного коллектива-этноса: доэтническая стадия, этническая, национальная и вненациональная. Скажите, пожалуйста, у нас в СССР есть сейчас нация или нет? Вы подумали, о чем вы говорите, или нет? Нация есть явление капиталистического общества. В нашем социалистическом государстве мы ни русской, ни других наций не назовем, потому что у нас государство ставится на изживании национальностей. Следовательно, надо все-таки в этом отношении разбираться, когда определять те или другие стадии развития человеческого общества. Это не свидетельствует о том, что нации нет вообще или что у нас в СССР нет национального вопроса. Он есть. И именно потому, что есть национальный вопрос, и нужна этнография. Если бы у нас национального вопроса не было, не нужна была бы этнография. Она должна изучать те этнические особенности, которыми обладают хозяйственные коллективы, для того чтобы легче привести к единому знаменателю, к изживанию этих отдельных этнических единиц и, с другой стороны, для того чтобы ускорить рост социалистических элементов» (От классиков к марксизму, 2014: 243). Хотя отдельные детали в данном фрагменте выражают личную позицию Кошкина, но в целом это высказывание передает общие настроения политиков и исследователей того времени.

изучать не только группы, находящиеся на доиндустриальной стадии развития, но и те, которые уже прошли эту стадию, а следовательно вернулся интерес к городским жителям и к самому городу. Учитывая отсутствие в СССР того времени социологии как научной дисциплины, проводить полевые исследования городских жителей могли только этнографы. Им же предстояло не только описать эти различия, но и объяснить, почему они сохраняются.

Исходя из идеологических установок того времени, первоочередное внимание этнографы, изучающие индустриальные народы, должны были обратить на рабочих. Именно так поступил будущий теоретик советской этнографии Николай Николаевич Чебоксаров, вместе с четырьмя коллегами приступивший к описанию культуры и быта рабочих Завода им. Сталина (впоследствии Завод им. Лихачева) и Трехгорного текстильного комбината им. Ф. Дзержинского: «Главной целью предпринятой работы было выявление новых культурно-бытовых особенностей русского рабочего класса, сложившихся в советскую эпоху на базе строительства социализма и закладки основ коммунистического общества. В связи с этим перед работниками Института этнографии встала задача изучения такого характерного явления нашей эпохи как выработка творческого, социалистического отношения к труду на основе животворящего советского патриотизма» (Чебоксаров 1950: 107). Необходимо было также показать отличия советского образа жизни от «буржуазного образа жизни в странах загнивающего капитализма» (Чебоксаров, 1950: 108). К сожалению, этот первый блин вышел комом: по нашему мнению, статья Чебоксарова получилась больше пропагандистской, чем научной.

Вслед за этой работой появился сборник статей сотрудников Государственного исторического музея, которые в ходе своих поездок, наряду со сбором предметов для музея брали интервью о дореволюционном быте у ветеранов производства (Историко-бытовые экспедиции 1949–1950 1953). Однако как музейщиков их в основном интересовали материальные аспекты быта, и статьи не поднимаются выше уровня простых описаний.

Одновременно несколько сотрудников отдела восточнославянской этнографии²¹ ИЭ под руководством Веры Юрьевны Крупянской при-

²¹ В разные периоды времени подразделение ИЭ, занимающиеся восточнославянской проблематикой имело разные статусы и соответствующие им наименования. История организационных пертурбаций этого подразделения описана в статье (Полищук 2005).

ступила к изучению этнографии уральских рабочих (Крупянская 1953). Исследователи исходили из того факта, что эта группа начала формироваться еще в первой половине XVIII в. и, следовательно, должна была сохранить какие-то уникальные характеристики, которые отличали бы ее от других групп рабочих (Крупянская 1953: 66). Видимо, на осознание того, что полноценное изучение рабочих возможно лишь при включении их в более широкий городской контекст, потребовалось время. Переход от первого сборника под редакцией Крупянской по этнографии рабочих к первым полноценным статьям по городской этнографии (Крупянская, Рабинович 1964; Анохина, Шмелева 1964) занял примерно 10 лет²².

5. Возвращение этнографии города в Ленинград/Петербург

Н. В. Юхнева и начало этнографического петербурговедения

В экспедиционных поездках Крупянской на Урал участвовала сотрудник Ленинградской части ИЭ Наталия Васильевна Юхнева. Ее интерес к этнографии рабочих не был случайным. Свой диплом на историческом факультете Ленинградского университета о российских сельскохозяйственных рабочих в 1860-е гг., а позже и кандидатскую диссертацию «Рабочее движение в Петербурге в 1901 г.» она писала под руководством ученика Лаппо-Данилевского, крупнейшего советского историографа и источниковеда Сигизмунда Натанович Валка (Юхнева 2005: 5). Вкус к работе с источниками, привитый Валком,

²² Следует упомянуть также об еще одном центре изучения этнографии города в СССР. Ольга Александровна Сухарева, работавшая в Институте истории и археологии АН Узбекской ССР, а после выхода на пенсию в ИЭ в Москве, занималась исследовала Бухару, Шахрисябз, Карши. В основном ее интересовал дореволюционный период (Сухарева, 1958, Сухарева, 1962, Сухарева, 1976). Соколовский видит в ее исследованиях некоторое сходство с западной эволюционистской и ориенталистской ориентацией на изучение «неевропейских городов» (Соколовский, 2014: 131). Среди учеников Сухаревой, защитивших диссертации по городской тематике можно назвать лишь таджикистанца Назиржона Очилович Турсунова (Турсунов, 1969). Его кандидатская диссертация посвящена ткачеству в Ходженте. Но наряду с ткачеством в ней есть общий очерк о Ходженте, описание населяющих его этнических общностей, описание ремесленников как социальной группы с ее внутренней дифференциацией и развитыми корпорациями. В докторской диссертации Турсунов описывает города Северного Таджикистана с округой — Ходжент, Ура-Тюбе и др. (Турсунов, 1979) то есть продолжает изучение проблематики, интересовавшей Сухареву, но уже применительно к Северному Таджикистану, который она не смогла охватить в ходе своих экспедиционных поездок

способствовал тому, что со временем она переключилась на изучение Петербурга/Ленинграда и стала основоположником исторической этнодемографии города в СССР. Данное исследовательское направление опирается в основном на архивные материалы и статистические источники. Помимо рассмотрения этнического состава города в разные периоды Юхнева дала подробные описания этнических групп Петербурга (Юхнева, 1982; Юхнева, 1984 и др.). Ее влияние чувствуется также в работах ее коллег по отделу восточнославянской этнографии петербургских этносоциологов Галины Васильевны Старовойтовой и Марины Эдуардовны Коган. Американский политолог, специалист по России и вопросам урбанистики Блэр А. Рубл указывает, что монографии Юхневой (Юхнева, 1984) и Старовойтовой (Старовойтова, 1987) «являются и работами примечательной искусности [subtlety] и совершенства [sophistication]. Благодаря мастерскому сочетанию исторических и современных, качественных и количественных исследовательских методов, обе книги демонстрируют желание, к сожалению отсутствующее в западной социальной науке, рассматривать разнообразные исследовательские стратегии как взаимодополняющие, скорее чем взаимоисключающие» (Ruble, 1989).

Последние годы жизни Юхнева была сотрудником отдела европеистики Музея антропологии и этнографии РАН, образованного на основе ЛЧ ИЭ. Здесь ее коллегами стали в частности Юлия Валерьевна Бучатская, которая опубликовала ряд работ по городам современной Германии, и Денис Сергеевич Ермолин, изучающий городскую проблематику на балканском материале. Но они не являются прямыми учениками Юхневой, поскольку занимаются главным образом полевой работой, а не архивными изысканиями и работой со статистическими материалами.

Кластеры этнографов/антропологов города в современном Петербурге

Информационная открытость российского общества с рубежа 1980-х — 1990-х гг., доступ к информационным технологиям, зарубежные стажировки позволили российским исследователям более полно ознакомиться с достижениями зарубежной науки, в том числе городской антропологии. Изменившаяся ситуация с финансированием, которая выразилась, с одной стороны, в сокращении денег, выделяемых государством на экспедиционную деятельность, а с другой стороны, в доступе к зарубежным грантообразующим фондам, привела к переключению

внимание многих этнографов на городскую проблематику. В результате в современной России возникло около двадцати исследовательских группирований, исследующих город (Винер, Дивисенко, 2018).

В Петербурге сегодня можно выделить несколько группирований (или кластеров) этнографов города/городских антропологов²³ (см. рисунок 1). Первым из этих группирований стал созданный бывшим сотрудником ленинградской части Института социологии АН СССР Виктором Михайловичем Воронковым на рубеже 1980-х — 1990-х гг. **Центр независимых социологических исследований**. Сотрудники ЦНСИ обычно называют себя социологами. Многие из них имеют социологическое образование. При этом некоторые из бывших сотрудников, например, Ирина Владимировна Ивлева, окончили факультет социологии СПбГУ по кафедре культурной антропологии и этносоциологии. Особенностью центра является использование исключительно качественных методов исследований. Одно из направлений деятельности ЦНСИ — исследование этничности в городской среде (Бредникова, Паченков, 2002; Воронков, Паченков, Чикадзе, 2001; Ivleva, Patchenkov, 2003).

Межфакультетский центр Европейского университета в Санкт-Петербурге «**Петербургская иудаика**» был создан как некоммерческое партнерство в 1999 г. Занимающийся еврейской этнологией и фольклором химик Валерий Аронович Дымшиц и историк Виктор Ефимович Кельнер, опираясь на поддержку ряда грантообразующих фондов, смогли привлечь единомышленников, интересующихся еврейской культурой, и договорились с Европейским университетом в Петербурге (ЕУ) о создании Межфакультетского центра «Петербургская иудаика», ассоциированного с ЕУ. До лишения университета лицензии на преподавательскую деятельность «Петербургская иудаика» предлагала студентам ЕУ, а также других университетов годичную программу по иудаике. Полевыми этнографическими исследованиями

²³ В части, посвященной современному Петербургу мы описываем лишь тех исследователей города, которые входят в выделенные нами группирования. Методика определения таких группирований описана в нашей предыдущей публикации (Винер, Дивисенко, 2018). Здесь скажем лишь, что при выделении исследовательских группирований мы учитывали четыре вида связей между учеными: 1) соавторство; 2) отношения учитель-ученик; 3) совместная работа в одном подразделении или в небольшом учреждении, совместное участие в экспедициях, грантовых проектах и т. п.; 4) участие в одном и том же сборнике по этнографии города.

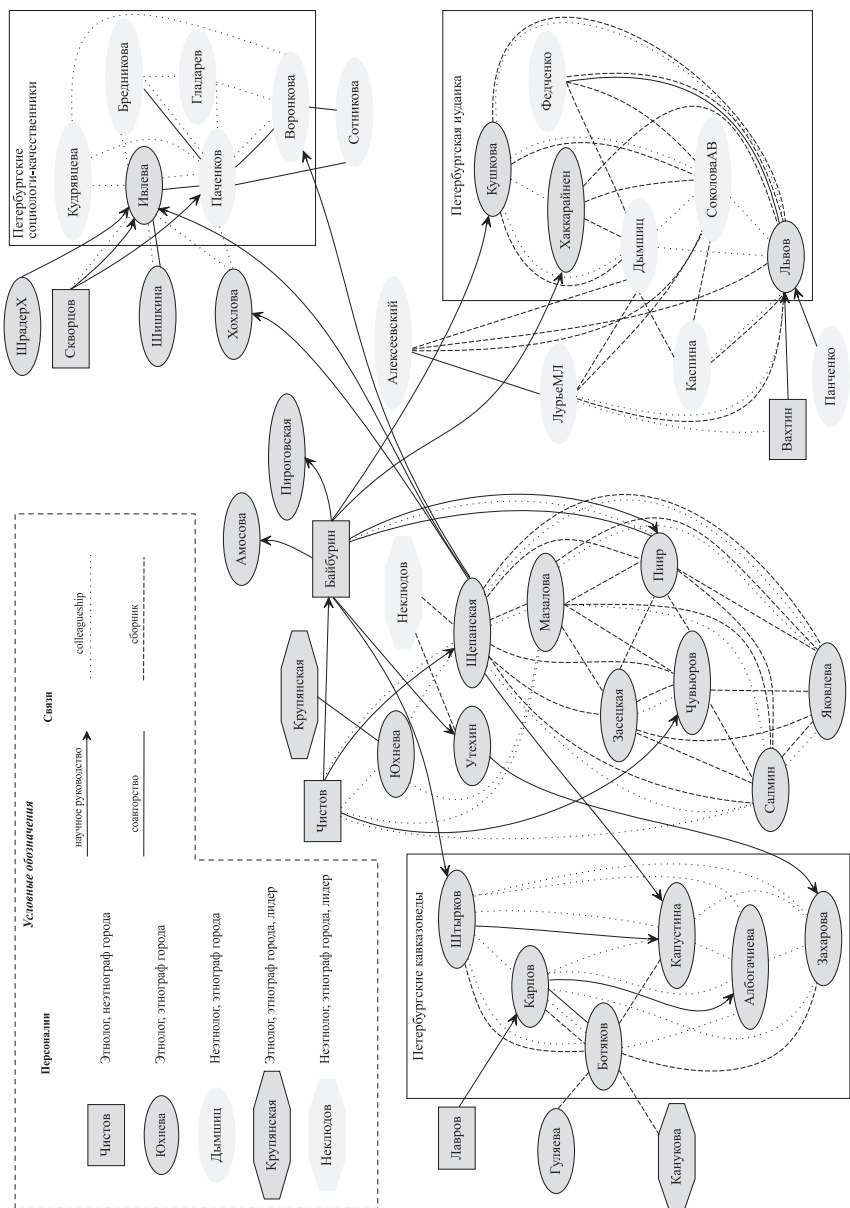

Рис. 1

в этом центре занимаются прежде всего Дымшиц, этнолог Александр Леонидович Львов и архитектор Алла Викторовна Соколова. В ряде экспедиций к ним присоединились бывшие студенты «Петербургской иудаики», этнологи Анна Николаевна Кушкова и Марина Валентиновна Хаскеррайнен, а также филолог-преподаватель СПбГУ Валентина Владимировна Федченко и фольклорист-преподаватель ЕУ Михаил Лазаревич Лурье. Однако для Лурье еврейская тематика не входит в число приоритетов. Он в большей мере занимается городскими сюжетами в русском фольклоре и участвует в полевых проектах нескольких организаций. Кроме того, в экспедициях «Петербургской иудаики» принимали участие сотрудники других научных учреждений Петербурга и Москвы. По материалам экспедиций центра в бывшие местечки Правобережной Украины был издан сборник статей (Дымшиц, 2008).

Городская проблематика смогла привлечь внимание многочисленных учеников сотрудника МАЭ РАН и профессора ЕУ Альберта Кашфуллоевич Байбурина. Это **группирование учеников Байбурина** является достаточно пестрым по объектам их диссертационных исследований: Илья Владимирович Утехин изучал петербургские коммуналки, Мария Михайловна Пироговская — русскую городскую культуру 1860-х — 1910-х гг., Александра Михайловна Пиир — советскую городскую повседневность. Этих исследователей, а также других учеников Байбурина объединяет интерпретация материала с помощью приемов этнографической семиотики. Интересно, что сам Байбурина собственно городской этнографией не занимается. Представители данного группирования являются сотрудниками в основном петербургских организаций (ЕУ в СПб, МАЭ РАН, РЭМ). Поскольку объекты интереса перечисленных исследователей имеют мало общего между собой, вряд ли их можно группированием однопорядковым большинству кластеров, которые мы выявили в ходе исследования российских этнографов/антропологов города (Винер, Дивисенко, 2018). Эту ситуацию мы акцентируем тем, что на рисунке не обозначаем границы данного группирования.

Кластер **МАЭ-РЭМ** появился позже всех остальных, весьма аморфен, и его название является достаточно условным. Центральной фигурой здесь является сотрудник МАЭ Наталья Евгеньевна Мазалова, которая ведет с 2014 г. ведет в музее семинар «Этнография Санкт-Петербурга и Северо-Запада России: механизмы регулирования традиции». Тематика докладов на семинаре довольно пестрая. Кроме ученых, здесь с сообщениями выступают общественные активисты,

защищающие городскую среду, священнослужители, представители муниципальных образований, студенты и др. По материалам семинара был издан сборник статей (Мазалова, 2017). Лишь около трети из них можно отнести к области антропологии города. Остальные посвящены исследованиям сельской местности, истории, географии, социологии Петербурга или содержат воспоминания участников семинара. Ядро сборника образуют статьи сотрудников МАЭ РАН — уже упоминавшихся Мазаловой, Щепанской, Пиир, а также Антона Кирилловича Салмина, Татьяны Михайловны Яковлевой, а также присоединившихся к ним сотрудников Российского этнографического музея Александра Алексеевича Чувьюрова и Марины Львовны Засецкой. Участников семинара объединяет общий объект исследования — этнография/антропология Петербурга, а также влияние на многих из них со стороны Юхневой во время совместной работы в восточнославянском отделе под руководством Кирилла Васильевича Чистова, собирателя севернорусского фольклора, теоретика фольклористики и этнографии. Поскольку данное группирование находится в стадии формирования, мы пока не обозначаем на рисунке его границы.

Заключение

Как мы и отмечали во Введении, пока история изучаемой нами исследовательской области далека от полной ясности. Тем не менее нам удалось показать, что в середине 1920-х гг. в Ленинграде наметилась тенденция к проведению этнографических исследований в городской среде, что получило отражение в статье Пульнера о Гомеле. Мы полагаем, что при благоприятных обстоятельствах эта тенденция могла бы развиваться благодаря сочетанию интереса советских этнографов к городу и их возможному знакомству с работами представителей Чикагской школы. Однако существовавшая в стране политическая система препятствовала научной свободе, насильно навязывая исследователям идеологические представления, которые разрабатывались привилегированными научными функционерами, ассоциировавшимися с партийной верхушкой. Инструментом для навязывания идеологически выверенных формул стали Этнографическое совещание 1929 г. и другие подобные форумы. Однако в прагматических целях партия и государство допускали отступления от пропагандируемых ими же принципов. Подобная ситуация возникла во второй половине 1930-х гг., когда понадобилось показать успехи еврейского населения в советском стро-

ительстве. За неимением в еврейской среде традиционного крестьянства, которое, согласно решениям Этнографического совещания должно было находиться в центре внимания этнографов, пришлось позволить специалистам по еврейской этнографии включить в сферу их изучения и некрестьянские группы среди негородского еврейского населения, и евреев-горожан, что получило свое отражение в организации выставки «Евреи в царской России и СССР». К 1950-м гг. стало очевидно, что этнические различия в СССР будут существовать еще очень долго, причем, какие-то этнические особенности сохраняются не только в сельской, но и в городской среде. Это подвигло московских этнографов заинтересоваться сначала горнодобывающими и промышленными рабочими, а затем и этнографией города. В Ленинград этнография города пришла благодаря усилиям Юхневой, которая положила начало этнографическому петербурговедению и исторической этнодемографии города в СССР, а также оказала существенное влияние на петербургских этносоциологов. После распада Советского Союза информационная открытость и особенности финансирования науки создали благоприятные возможности для городской этнографии. В результате в современной России возникло примерно два десятка группирований исследующих городскую этнографию/антропологию, из них четыре в Петербурге: Центр независимых социологических исследований, Межфакультетский центр «Петербургская иудаика» Европейского университета в Санкт-Петербурге, группа учеников Байбурина и кластер исследователей из МАЭ и РЭМ, группирующихся вокруг семинара Мазаловой.

Мы полагаем, что в будущем было бы целесообразным дополнительно изучить условия, которые в 1950-е — первую половину 1960-х гг. позволили советским этнографам непосредственно сформулировать задачу изучения этнографии города. По-видимому, здесь сказалась общая демократизация политической жизни в стране в послесталинский период, появление возможностей, хотя и в очень ограниченной форме, для политических дискуссий, а следовательно и для более свободного обсуждения социально-научной проблематики.

Источники

Абузов Степан Семенович (1898–1938) // Люди и судьбы. Биобиблиографический словарь востоковедов — жертв политического террора в советский период (1917–1991). СПб: Петербургское востоковедение, 2003 [http://memory.pvost.org/pages/abuzov.html] (дата обращения 5.05.2018).

- Анохина Л. А., Шмелева М. Н. Некоторые проблемы этнографического изучения современного русского города // Советская этнография. 1964. № 5. С. 8–16.
- Бахтияров А. А. Брюхо Петербурга: Обществ.-физиол. очерки А. Бахтиярова. СПб.: Ф. Павленков, 1888. (Бахтияров А. А. Брюхо Петербурга: Очерки столичной жизни. СПб.: Ферт, 1994. 2-е изд.).
- Бредникова О. Е., Паченков О. В. Этничность «этнической экономики» и социальные сети мигрантов // Экономическая социология. 2000. № 2. С. 74–81.
- Винер Б. Е., Дивисенко К. С. Социальная структура исследовательской области этнография/антропология города в российской этнологии // Журнал социологии и социальной антропологии. 2018 (в печати).
- Воронков В., Паченков В., Чикадзе Е. (ред.). Невидимые грани социальной реальности. К 60-летию Эдуарда Фомина: Сборник статей по материалам полевых исследований. (Центр независимых социологических исследований. Труды. Вып. 9). СПб.: Б.и., 2001.
- Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов: их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. СПб.: Б.и., 1794.
- Дымшиц В. А., Львов А. Л., Соколова А. В. (составит.). Штетл, XXI век: полевые исследования. (Studia Ethnologica; вып. 5). СПб: Изд-во Европейского университета, 2008.
- Иванов А. И. «Евреи в царской России и в СССР» — выставка достижений хозяйственного и культурного строительства в стране советов // Новое литературное обозрение, 2010, № 102. С. 158–182.
- Козер Л. А. Уильям Айзек Томас и Флориан Знанецкий // Козер Л. А. Мастера социологической мысли: идеи в историческом и социальном контексте. М.: Издательство НОРМА, 2006. С. 441–513.
- Крупянская В. Ю. Опыт этнографического изучения уральских рабочих второй половины XIX века // Советская этнография. 1953. № 1. С. 64–87.
- Крупянская В. Ю., Рабинович М. Г. Этнография города и промышленного поселка. Советская этнография. 1964. № 4. С. 118–125.
- Кушнер П. И. Этнические территории и этнические границы. М.: Издательство Академии наук СССР, 1951.
- Мазалова Н. Е. (отв. ред.). Антропология Петербурга: сборник статей к 85-летию со дня рождения Н. В. Юхнёвой. Ч. 1. СПб.: МАЭ РАН, 2017.
- Макарьев С. А. Полевая этнография. Краткое руководство и программа для сбора этнографических материалов в СССР / Под ред. проф. В. Г. Богораза-Тана. Л.: Этногр. экскурсионная комиссия Этноотд-ния Геофака Л. Г.У., 1928.
- Наумова О. Б. Портрет ученого. Ольга Александровна Сухарева. К 100-летию со дня рождения // Этнографическое обозрение. 2003. № 6. С. 94–114.
- От классиков к марксизму: совещание этнографов Москвы и Ленинграда (5–11 апреля 1929 г.) / под ред. Д. В. Арзютова, С. С. Алымова, Д. Дж. Андерсона. — СПб.: МАЭ РАН, 2014. — 511 с. (Серия «Кунсткамера — Архив». Т. VII).

- Полищук Н. З історії відділу етнології російського народу Інституту етнології та антропології РАН // Народна творчість та етнграфія. 2005. № 4. С. 23–30.
- Пульнер И. Из жизни евреев Гомеля // Еврейское местечко в революции: Очерки / Под ред. проф. В. Г. Тана-Богораза. М.; Л.: Гос. изд., 1926. С. 157–196.
- Пульнер Исай Менделевич. Сайт *Отечественные этнографы и антропологи. XX век* [http://ethnographica.kunstkamera.ru/Пульнер_Исай_Менделевич] (дата обращения 28.03.2018).
- Решетов А. М. Крейнович // Большая Российская энциклопедия. Том 15. М.: 2010. С. 675. [<https://bigenc.ru/ethnology/text/2108877#>] (дата обращения 4.05.2018).
- Свободная энциклопедия Википедия. Макарьев Степан Андреевич. [https://ru.wikipedia.org/wiki/Макарьев,_Степан_Андреевич] (дата обращения 6.05.2017).
- Совещание этнографов Ленинграда и Москвы (5/IV-11/IV 1929 г.) // Этнография. 1929. № 2. С. 111–144.
- Соколовский С. В. Городская повседневность, субкультуры и городская этнография. Этнометодология: проблемы, подходы, концепции. Вып. 18. Москва: Наследие ММКМ, 2014. С. 122–143.
- Старовойтова Г. В. Этническая группа в современном советском городе. Л.: Наука, 1987.
- Сухарева О. А. К истории городов Бухарского ханства. Историко-этнографические очерки. Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1958.
- Сухарева О. А. Позднефеодальный город Бухара конца XIX — начала XX века. Ремесленная промышленность. Ташкент: Издательство АН УзССР, 1962.
- Сухарева О. А. Квартальная община позднефеодального города Бухары (в связи с историей кварталов). М.: Наука, 1976.
- Тумаркин Д. Д. (сост. и отв. ред.). Репрессированные этнографы. Вып. 1. М.: Восточная литература, 2002.
- Тумаркин Д. Д. (сост. и отв. ред.). Репрессированные этнографы. Вып. 2. М.: Восточная литература, 2003.
- Турсунов Н. Из истории городского ремесла Северного Таджикистана (ткацкие промыслы Ходжента и его пригородов в конце XIX — начале XX в.): Автореф. дисс. на соиск. ученой степени канд. историч. наук. Л., 1969.
- Турсунов, Н. О. Развитие городской и сельской жизни Северного Таджикистана в XVIII — начале XX в.: Историко-этнографическое исследование: Автореф. дисс. на соиск. ученой степени докт. историч. наук. М., 1979.
- Чебоксаров Н. Н. Этнографическое изучение культуры и быта московских рабочих // Советская этнография. 1950. № 3. С. 107–122.
- Юхнева Н. В. Словацкие жестики в Петербурге // Юхнева Н. В. (отв. ред.). Старый Петербург: историко-этнографические исследования. Ленинград: Наука, 1982. С. 114–128.

- Юхнева Н. В. Этнический состав и этносоциальная структура населения Петербурга. Вторая половина XIX — начало XX века: Статистический анализ. Л.: Наука, 1984.
- Юхнева Н. В. О себе // Юхнева Н. В. Статьи разных лет. СПб.: МАЭ РАН, 2005. С. 5–17.
- Ivleva I., Patchenkov O. Street Traders in St Petersburg. Arnsberg, Boren (eds.) *Everyday Economy in Russia, Poland and Latvia. Soedertoern Academic Studies 16*. Stockholm: Almqvist & Wiksell International: 129–145.
- Prato G. B., Pardo I. Urban Anthropology // *Urbanities*. 2013. Vol. 3. No 2. P. 80–110.
- Ruble B. A. St. Petersburg-Leningrad as a Multicultural City // *Slavic Review*. 1989. Vol. 48. No 4. P. 641–646.
- Thomas W., Znaniecki F. Polish Peasant in Europe and America: monograph of an immigrant group. Vol. 1. Boston, MA: Richard G. Badger, The Gorham Press, 1918.

References

- Abuzov Stepan Semenovich (1898–1938) // *Lyudi i sud'by. Biobibliograficheskiy slovar' vostokovedov — zhertv politicheskogo terrora v sovetskiy period (1917–1991)*. SPb.: Peterburgskoye vostokovedeniye, 2003 [http://memory.pvost.org/pages/abuzov.html] (access 5.05.2018).
- Anokhina L. A., Shmeleva M. N. Nekotoryye problemy etnograficheskogo izucheniya sovremennogo russkogo goroda // *Sovetskaya etnografiya*. 1964. No 5. P. 8–16.
- Bakhtiarov A. A. Bryukho Peterburga: Obschestv.-fiziol. ocherki A. Bakhtiarova. SPb.: F. Pavlenkov, 1888. (Bakhtiarov A. A. Bryukho Peterburga: Ocherki stolichnoy zhizni. 2nd ed. SPb.: Fert, 1994).
- Brednikova O. Ye., Pachonkov O. V. Etnichnost' "etnicheskoy ekonomiki" i sotsial'nyye seti migrantov // *Ekonomicheskaya sotsiologiya*. 2000. No 2. P. 74–81.
- Cheboksarov N. N. Etnograficheskoye izucheniye kul'tury i byta moskovskikh rabochikh // *Sovetskaya etnografiya*. 1950. № 3. P. 107–122.
- Dymshits V. A., Lvov A. L., Sokolova A. V. (comp.). Shtetl, XXI vek: polevyye issledovaniya. (*Studia Ethnologica*; vyp. 5). SPb.: Izd-vo Yevropeyskogo universiteta, 2008.
- Georgi I. G. Opisanie vsekh obitayushchikh v Rossiyskom gosudarstve narodov: ikh zhiteyskikh obryadov, obyknoveniy, odezhd, zhilishch, uprazhneniy, zabav, veroispovedaniy i drugikh dostopamyatnostey. SPb.: B.i., 1794.
- Ivanov A. I. "Yevrei v tsarskoy Rossii i v SSSR" — vystavka dostizheniy khozyaystvennogo i kul'turnogo stroitel'stva v strane sovetov // *Novoye literaturnoye obozreniye*, 2010, No 102. P. 158–182.
- Ivleva I., Patchenkov O. Street Traders in St Petersburg. Arnsberg, Boren (eds.) *Everyday Economy in Russia, Poland and Latvia. Soedertoern Academic Studies 16*. Stockholm: Almqvist & Wiksell International: 129–145.
- Koser L. A. Uil'yam Ayzek Tomas i Florian Znanetskiy // Koser L. A. *Mastera sotsiologicheskoy mysli: idei v istoricheskom i sotsial'nom kontekste*. M.: Izdatel'stvo NORMA, 2006. P. 441–513.
- Krupyanskaya V. Yu. Opyt etnograficheskogo izucheniya ural'skikh rabochikh vtoroy poloviny XIX veka // *Sovetskaya etnografiya*. 1953. No 1. P. 64–87.
- Krupyanskaya V.YU., Rabinovich M. G. Etnografiya goroda i promyshlennogo poselka. *Sovetskaya etnografiya*. 1964. No 4. P. 118–125.
- Kushner P. I. Etnicheskiye territorii i etnicheskiye granitsy. M.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1951.
- Mazalova N. Ye. (ed.). *Antropologiya Peterburga: sbornik statey k 85-letiyu so dnya rozhdeniya N. V. Yukhnovoy. Part 1*. SPb.: MAE RAN, 2017.
- Makar'yev S. A. Polevaya etnografiya. Kratkoye rukovodstvo i programma dlya sbora etnograficheskikh materialov v SSSR / Ed. by V. G. Bogoraz-Tan. L.: Etnogr. ekskursionnaya komissiya Etnootd-niya Geofaka L. G.U., 1928
- Naumova O. B. Portret uchenogo. Ol'ga Aleksandrovna Sukhareva. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya // *Etnograficheskoye obozreniye*. 2003. No 6. P. 94–114.
- Ot klassikov k marksizmu: soveshchaniye etnografov Moskvyy i Leningrada (5–11 aprelya 1929 g.) / Ed. by D. V. Arzyutov, S. S. Alymov, D. J. Anderson. SPb.: MAE RAN, 2014. — 511 s. (Seria «Kunstkamera-Arhiv», T.VII).
- Polishchuk N. Z istoriyi viddilu etnologiyi rosiyskogo narodu Institutu Etnologiyi ta Antropologiyi RAN // *Narodna tvorchist' ta etnografiya*. 2005. No 4. P. 23–30.
- Prato G. B., Pardo I. Urban Anthropology // *Urbanities*. 2013. Vol. 3. No 2. P. 80–110.
- Pul'ner I. Iz zhizni yevreyev Gomelya // *Yevreyskoye mestechko v revolyutsii: Ocherki* / Ed. by V. G. Tan-Bogoraz. M.; L.: Gos. izd., 1926. P. 157–196.
- Pul'ner Isay Mendelevich. Sight *Otechestvennyye etnografy i antropologii. 20 vek* [http://ethnographica.kunstkamera.ru/Pul'ner_Isay_Mendelevich] (access 3.28.2018).
- Reshetov A. M. Kreynovich // *Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya*. Tom 15. M.: 2010. P. 675. [https://bigenc.ru/ethnology/text/2108877#] (access 5.04.2018).
- Ruble B. A. St. Petersburg-Leningrad as a Multicultural City // *Slavic Review*. 1989. Vol. 48. No 4. P. 641–646.
- Svobodnaya entsiklopediya Vikipediya. Makar'yev Stepan Andreyevich. [https://ru.wikipedia.org/wiki/Makar'yev,_Stepan_Andreyevich] (access 5.06.2017).
- Soveshchaniye etnografov Leningrada i Moskvyy (5/IV-11/IV 1929 g.) // *Etnografiya*. 1929. No 2. P. 111–144.
- Sokolovskiy S. V. Gorodskaya povsednevnost', subkul'tury i gorodskaya etnografiya. *Etnometodologiya: problemy, podkhody, kontseptsii*. Vyp. 18. Moskva: Naslediye MMKM, 2014. P. 122–143.
- Starovoytova G. V. Etnicheskaya gruppa v sovremenom sovetskom gorode. L.: Nauka, 1987.
- Sukhareva O. A. K istorii gorodov Bukharskogo khanstva. *Istoriko-etnograficheskiye ocherki*. Tashkent: Izd-vo AN UzSSR, 1958.

- Sukhareva O. A. Pozdnefeodal'nyy gorod Bukhara kontsa XIX — nachala XX veka. Remeslennaya promyshlennost'. Tashkent: Izdatel'stvo AN UzSSR, 1962.
- Sukhareva O. A. Kvartal'naya obshchina pozdnefeodal'nogo goroda Bukhary (v svyazi s istoriyey kvartalov). M.: Nauka, 1976.
- Thomas W., Znaniecki F. Polish Peasant in Europe and America: monograph of an immigrant group. Vol. 1. Boston, MA: Richard G. Badger, The Gorham Press, 1918.
- Tumarkin D. D. (comp. & ed.). Repressirovannyye etnografy. Vyp. 1. M.: Vostochnaya literatura, 2002.
- Tumarkin D. D. (comp. & ed.). Repressirovannyye etnografy. Vyp. 2. M.: Vostochnaya literatura, 2003
- Tursunov N. Iz istorii gorodskogo remesla Severnogo Tadzhikistana (tkatskiye promysly Khodzhenata i yego prigorodov v kontse XIX — nachale XX v.): Avtoref. diss. na soisk. uchenoy stepeni kand. istorich. nauk. L., 1969.
- Tursunov, N. O. Razvitiye gorodskoy i sel'skoy zhizni Severnogo Tadzhikistana v XVIII — nachale XX v.: Istoriko-etnograficheskoye issledovaniye: Avtoref. diss. na soisk. uchenoy stepeni dokt. istorich. nauk. M., 1979.
- Voronkov V., Pachenkov V., Chikadze Ye. (eds.). Nevidimyye grani sotsial'noy real'nosti. K 60-letiyu Eduarda Fomina: Sbornik statey po materialam polevykh issledovaniy. (Tsentr nezavisimyykh sotsiologicheskikh issledovaniy. Trudy. Vyp. 9). SPb.: B.i., 2001.
- Wiener B. E., Divisenko K. S. Sotsial'naya struktura issledovatel'skoy oblasti etnografiya/antropologiya goroda v rossiyskoy etnologii // Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii. 2018 (in print).
- Yukhneva N. V. Slovatskiye zhestyanshchiki v Peterburge // Yukhneva N. V. (ed.). Staryi Peterburg: istoriko-etnograficheskiye issledovaniya. Leningrad: Nauka, 1982. S. 114–128.
- Yukhneva N. V. Etnicheskiy sostav i etnosotsial'naya struktura naseleniya Peterburga. Vtoraya polovina 19 — nachalo 20 veka: Statisticheskyy analiz. L.: Nauka, 1984.
- Yukhneva N. V. O sebe // Yukhneva N. V. Stat'i raznykh let. SPb.: MAE RAN, 2005. P. 5–17.

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ АНАЛИЗ

М. В. Масловский

РЕЛЯЦИОННАЯ ВЕРСИЯ СОВРЕМЕННОГО ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО АНАЛИЗА И ЕЕ РЕЦЕПЦИЯ РОССИЙСКИМИ СОЦИОЛОГАМИ

В последние два десятилетия происходило становление цивилизационного анализа как новой парадигмы мировой исторической социологии. В рамках данного подхода выделяется «реляционное» направление, ведущим представителем которого выступает Й. Арнасон. В работах этого социолога подчеркивается значение межцивилизационного взаимодействия для динамики традиционных цивилизаций и различных форм модерности. Арнасон характеризует взаимоотношения Запада с другими цивилизациями как взаимодействие местных традиций, западных традиций и различных интерпретаций модерности. Особое внимание этот исследователь уделяет анализу динамики советской модели модерности. Советская система определяла себя как альтернативу западной либеральной модерности и стремилась превзойти западные общества в экономической, политической и культурной сферах. В целом Арнасон считает возможным говорить не о советской цивилизации, но о советской модели модерности, обладавшей лишь некоторыми цивилизационными характеристиками. Тем не менее, во взаимодействии СССР со странами Запада могут быть выделены цивилизационные аспекты. Концепция Арнасона выступает как альтернативная по отношению к анализу «сталинизма как цивилизации» С. Коткина и концепции «столкновения цивилизаций» С. Хантингтона. Опираясь на веберовскую традицию в исторической социологии, Арнасон предложил оригинальный взгляд на межцивилизационные взаимодействия периода модерности. Интерес к цивилизационному анализу в версии Арнасона проявился в работах отечественных исследователей с начала 2010-х гг. Важным шагом к более широкой рецепции данного подхода стали конференция «Цивилизационная динамика современных обществ», проходившая в СИ РАН в 2011 г., и последующие публикации ряда российских социологов. В настоящее время идеи Арнасона используются в сравнительно-исторических исследованиях, в частности, цивилизационной динамики России и стран Латинской Америки.

Ключевые слова: историческая социология, цивилизационный анализ, множественные модерности, межцивилизационное взаимодействие